

СЕКЦИЯ 8. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОЗНАНИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

УДК 821.161.1

Г. Ц. Бадуева

ТЕМА СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. Тема семьи играет значимую роль в современной русской прозе, в том числе в произведениях А. Варламова, Р. Сенчина, А. Чудакова, Н. Абгарян, Е. Некрасовой, Ю. Кузнецовой и др. Отражая реалии времени, писатели показывают болевые точки современной семьи, актуализируют проблему разлада семейных отношений, в то же время оставляя надежду на возвращение прежней аксиологии семьи: любви, дружбы, понимания, духовного родства.

Ключевые слова: современная русская проза, тема семьи, образ дома, А. Варламов, базовая ценность.

Тема семьи как основной базовой ценности традиционно играет в русской литературе, в том числе современной, значимую роль. Слова философа И. Ильина о том, что «семья является *первичным лоном человеческой культуры* (курсив автора – Г. Б.)», «семья есть как бы живая «лаборатория» человеческих судеб, личных и народных» [1, с. 5, 6], подчеркивают аксиологию анализируемой темы.

В русской классической литературе (А. Пушкин, С. Аксаков, Л. Толстой и др.) созданы образцы патриархальной семьи с сильным мужским началом, иерархией и одновременно теплотой семейных отношений, неоспоримостью семейных ценностей. В современной же прозе (Б. Екимов, А. Варламов, Л. Улицкая, Л. Петрушевская, А. Иванов, Р. Сенчин, М. Тарковский, А. Геласимов, П. Санаев, Е. Некрасова, Ю. Кузнецова и др.) все чаще показывается семья в состоянии кризиса, хотя надежда на возрождение положительного образа семьи, основанной на любви, уважении и доверии, остается (М. Степанова, М. Тарковский, С. Шаргунов, М. Шишкин, А. Геласимов, А. Чудаков, Н. Абгарян и др.).

Современное общество кардинально изменилось, и семья как его ячейка тоже претерпевает трансформации: основополагающие функции, образ жизни, формирование, роли, отношения членов, мораль семьи во многом стали другими [2, с. 10].

Писатели, раскрывая такие аспекты семейной темы, как дом, отцы и дети, родительский долг, судьба молодого поколения и другое, как отмечено выше, множат ситуацию семейной катастрофы. Так, в «Зоне затопления», «Елтышевых» Р. Сенчина, «Географ глобус пропил» А. Иванова, «Лохе» А. Варламова,

«Санька» и рассказах З. Прилепина, «Калечине-Малечине» Е. Некрасовой, «Доме П» Ю. Кузнецовой и других внимание заострено на трагедии отчуждения, разделения, вырождения семей. Хотя, повторим, анализируемая тема носит амбивалентный характер. В произведениях М. Степановой («Памяти памяти»), В. Шарова («След в след»), А. Чудакова («Ложится мгла на старые ступени»), З. Прилепина («Бабушка, осы, арбуз», «Грех», «Санька»), С. Шаргунова («Свои», «Правда и ложка»), М. Шишкина («Пальто с хлястиком») и других история семьи вписывается в историю рода; в «Манюне» Н. Абгарян, несмотря на отсутствие в семье матери, маленькая героиня счастлива с отцом и несравненной Ба (бабушка Роза Иосифовна Шац); в «Доме П» Ю. Кузнецовой отправленную в дом престарелых бабушку Женю очень хочет вернуть домой младшая внучка Тина; в «Жанне» А. Геласимова юная героиня, пройдя через боль и унижения, приходит к пониманию важности семьи и становится настоящей матерью, готовой вынести любые трудности ради своего ребенка.

В прозе А. Варламова («Рождение», «Здравствуй, князь!», «Лох», «Дом в деревне», «Теплые острова в холодном море», «Падчевары», «Ева и Мясоедов», «Душа моя Павел» и др.), для которого семья является бытийной ценностью, вероятно, согласно логике времени, примеров счастливой семьи встречается немного, чаще она показана на перепутье, в процессе начинающегося либо свершившегося распада, но семейные ценности по-прежнему важны для варламовских героев.

В повести «Рождение» показана губительность рутины обыденной семейной жизни. Трагедия отдельно взятой семьи усугубляется бездетностью. Представляется неслучайным, что у героев нет имен – они обозначены как мужчина и женщина. Но им даровано счастье появления ребенка, скрепляющего семью, дающего шанс на новый виток уже счастливых отношений. Главный герой повести «Здравствуй, князь!» Саввушка вырос без отца. Саня Тезкин из романа «Лох» вырос в полной, вполне благополучной московской семье, но в поисках ответов на вечные вопросы, гармонии с миром он многократно уезжает из дома, из родного города. Вернувшись в Москву после очередного бегства и скитаний по стране, блудный сын застаёт семью разросшейся в связи с женитьбой братьев и появлением невесток и понимает: «Дом, казавшийся ему непоколебимым, <...> канул в прошлое, да теперь это был никакой и не дом, а снова коммунальная квартира» [3]. В деревне Хорошей, где Тезкин поселился после смерти отца, живут дед Вася Малахов и три старухи, мечтающие о том, чтобы их кто-нибудь похоронил по всем правилам. И это еще один штрих, показывающий состояние семьи как общественного института в 1990-е гг.

В повести «Ева и Мясоедов» писатель обращается к истории своего рода, и отсчет начинает вести с бабушки. Мария Анемподистовна Мясоедова ценила дарованное ей счастье создания семьи (поздно вышла замуж) и рождения трех детей. Она приложила невероятные усилия, чтобы сохранить детей в перипетиях сложного времени. Как и дед Антона из романа А. Чудакова «Ложится мгла

на старые ступени», героиня противопоставляет хаосу «некалендарного» XX в. (А. Ахматова) устройство своей семьи, хотя и оставшейся формально без отца. К концу ее жизни мясоедовский род насчитывал 16 человек. Но с огромным трудом вылепленная большая семья со своими фамильными историями, секретами, рецептами, милыми прозвищами и прочим в последний раз объединится за семейным столом в день рождения основательницы рода незадолго до ее смерти, после же не сможет перешагнуть через давние обиды. «Голос крови, родства (здесь и далее курсив наш. – Г. Б.), общей участи и судьбы» [4, с. 217] при отсутствии нравственных связей оказался не способен собрать семью. Смерть матери выступает как символ разрушения и семейного кризиса. Но писатель даже в такой ситуации оставляет надежду. Автобиографический герой, внук Марии Анемподистовны, пишет семейное предание, соединяя время и историю, начало и продолжение семьи/рода Мясоедовых.

В прозе А. Варламова значим образ дома как важной составляющей темы семьи. Неслучайно слово «дом» выносится в название произведений «Дом в Остожье», «Дом в деревне». Практически на первых страницах второй повести дается его описание: «Дом стоял в поле. Он был сложен из *растрескавшихся от времени толстых бревен*, на высоком подклете, с крытым двором и пятью окнами, выходившими на коровий прогон. Со всех сторон его окружала ничем не закрытая линия горизонта, уходившая за дальние холмы и леса, и казалось, что дом как будто нарочно поставлен *в самом центре идеальной окружности и все вращается вокруг него*»; «<...> у меня был свой дом. Это был так называемый передок – *просторная и светлая летняя изба-пятистенок*, к которой когда-то примыкала маленькая зимовка. <...> В *просторной чистой горнице* стояли вдоль стен широкие лавки, посредине стол и русская печь. *Гладко обтесанные еловые бревна источали янтарно-розовый свет*. Меж теплых бревен темнел мох. Окна, которые не мыли лет двадцать, *сияли чистотой*, как перед Пасхой. Сам дом был полон странных гулких звуков, так что его, как раковину, слушать можно было часами» [5, с. 228, 232–233]. Дом показан с любовью, что подтверждается выделенными курсивом словами. Но оппозиция «свой/чужой» так и не разомкнулась, стать своим в деревне до конца не удалось, более того «казался самому себе самозванцем, *временщиком*, не по праву вторгшимся *в чужую землю* и занявшим *чужое владение*» [5, с. 236]. Да и дом, как опасался герой в самом начале: «Купленная изба ставила точку в моих исканиях, как запоздалая женитьба. Отныне, куда бы я ни собрался поехать, моя отлучка была бы сродни супружеской измене. <...> Но еще больше печалила тайная мысль, которую я гнал прочь, но она все равно прорывалась, ясная и единственно верная мысль, что как бы я ни рассуждал и чего бы ни выдумывал, как бы ни рассказывал всем с восторгом о громадном северном доме, хозяином которого я стал, – *домом* (курсив автора – Г. Б.), эта не мной, не моим отцом, не дедом и не прадедом срубленная изба все равно никогда не станет» [5, с. 234–235], так и не принял его как своего, и хозяин после долгих попыток «перестал относиться

к деревенскому дому как к *дому*» [5, с. 296]. Показательно, что в приведенном выше отрывке из текста покупка дома сравнивается с запоздалой женитьбой, созданием семьи. В более поздней «Еве и Мясоедове» ключевой символ семьи – дом – редуцируется до комнаты в коммунальной квартире, причем после развода родителей 24-метровая обменивается на 16-метровую комнату, за которую после возвращения из эвакуации пришлось бороться через суд. Здесь позже жили бабушка и три семьи ее взрослых детей, что, возможно, повлияло на распад большой семьи Мясоедовых, которую до смерти скрепляла ее основательница.

Семья как основа мировосприятия человека занимает важное место в русской литературе. В произведениях современных писателей тема семьи имеет амбивалентный характер: несмотря на изменение ее статуса в жизни человека и общества, подчеркивается традиционная значимость семейных ценностей.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ильин, И. А. О семье / И. А. Ильин // Путь духовного обновления / И. А. Ильин. – Москва: Центр книги, 2008. – С. 5–11.
2. Вишневский, А. Г. Эволюция российской семьи / А. Г. Вишневский // Экология и жизнь. – 2008. – № 8. – С. 8–13.
3. Варламов, А. Н. Лох [Электронный ресурс]: роман / А. Н. Варламов // Электронная библиотека ModernLib.Net. – Москва, 1995. – Режим доступа: http://modernlib.net/books/varlamov_aleksey_nikolaevich/loh/read. – Дата доступа: 29.04.2022.
4. Варламов, А. Н. Ева и Мясоедов: семейное предание / А. Н. Варламов // Ева и Мясоедов: повести и эссе / А. Н. Варламов. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. – С. 139–223.
5. Варламов, А. Н. Дом в деревне / А. Н. Варламов // Ева и Мясоедов : повести и эссе / А. Н. Варламов. – Москва: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. – С. 224–297.

УДК 821.161.3.09

А. И. Белая

«GENIUS LOCI», АБО ПАРТРЭТ ЦАГЛІНЫ

Анатацыя. У артыкуле разглядаецца ўплыў локуса горада як генія месца на суб'екта творчасці. Зыходны пункт аналізу – метафара «партрэт цагліны», асацыятыўнае разгалінаванне якой выводзіць пісьменнікаў-эсэістаў (П. Вайля, У. Караткевіча) на асэнсаванне праблем эстэтыкі, гісторыі, філасофіі.

Ключавыя словы: месца сілы, дух месца, эсэістыка, «партрэт цагліны», шматслойная метафара, гістарычная памяць.

«Месцам сілы» сёння прынята называць нейкае натхняльнае і/ці містычнае месца. Чалавек, апынуўшыся ў незнаёмым ландшафце, найперш адкрывае яго